

Вадим Храпна

Страна аустов

Саги и Сказки Пруссии

Вадим Храппа

**Страна Аистов. Саги
и Сказки Пруссии**

«Автор»

Храппа В. В.

Страна Аистов. Саги и Сказки Пруссии / В. В. Храппа —
«Автор»,

Пруссия... Более ста лет прошло с тех пор, как эта страна исчезла с политической карты мира. Но осталась география. Остались сосны на дюнах у моря, руины средневековых замков, буковые рощи. Осталась древняя история этой страны в её преданиях и легендах о временах столь давних, что их уже нигде, кроме этих мест, не помнят. Здесь ещё, сидя на камнях над приливной волной у городка Раушен, по ночам поют сирены, а утром в шелесте многовековых лип слышен голос богини Лаймы. Здесь по булыжным мостовым узких улиц провинциальных городков ещё бродит эхо звона рыцарских лат.

© Храппа В. В.

© Автор

Содержание

Рагайна	7
Щука на флаге	9
Подземелья замка Рагайны	10
Летающие мертвецы	11
Конькобежец из Лабиау	12
Смотритель замка	13
Молочная ведьма	15
Наказание жены горшечника	16
Неринга	17
Священный топор	20
Иностранцы из Цинтена	24
Отважный сапожник	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вадим Храппа

Страна Аистов. Саги и Сказки Пруссии

К читателю:

В детстве при уборке квартиры мне вменялось в обязанность протирание книг от пыли. Книг было много, пыли мало, и работа меня не слишком обременяла, если б каждый раз я с маниакальным упорством не превращал ее в самоистязание. Я пробовал свежетытертую библиотеку как-то классифицировать. Раскладывать писателей по алфавиту мне уже тогда казалось кощунственным. Вычислить, какие издания в этой груде более классические, а какие – менее, мне тоже не удавалось. Делить на русских, советских и зарубежных было гиблым делом. Заканчивалось тем, что я в сердцах запикивал все это богатство мировой литературы на полки, как попало и, успокоившись, шел во двор гонять мяч. Я вспомнил, когда ломал голову над тем, как распределить эти – такие разные: древние и не очень, исторически достоверные и фантастические, смешные и страшные – саги в книжке? Боюсь, все мои старания привели к тому же результату, каким заканчивались попытки освоить библиотечарское ремесло в детстве.

Теперь – о предмете.

Менее всего мне хотелось бы прослыть сказочником-краеведом. Не мое это дело. Я бы и не занялся им никогда, если б не случай. Работая над другой книгой, я нечаянно наткнулся на целый пласт никем не востребованной оригинальной местной мифологии. Меня потрясло вот что. Как любая другая, прусская мифология населена множеством загадочных тварей. Конечно, удивляет непохожесть, оригинальность местного бестиария, но это можно было бы объяснить. Прусы, отгородившись от мира Вислой и Неманом, веками ревностно охраняли от других народов, как свою территорию, так и самобытность культуры. Неудивительно, что ее влияние позже сказалось и на переселенцах-христианах. Поражает другое. Точность описания некоторых существ и взаимоотношения с ними местных жителей. Это не похоже на сказки. Это настораживает. Приглядевшись внимательнее, вдруг понимаешь, что Король-Олень – гигантское животное с длинной шерстью, что-то уж слишком напоминает доисторического оленя, вымершего вместе с мамонтами. А «маркопеты» – «земляные люди» – полузвери – получеловеки, обитавшие в землянках – просто близнецы «снежного человека», реликтового гоминида.

Оторопь берет. И уже совсем по-другому начинаешь относиться к рассказам о Великом Змее Анге, о маленьких человечках – барстухах, о племени светловолосых великанов – ульмиганов. В общем, пришлось отложить роман и зарыться в архивы. Тут же выяснилось, что работа не настолько проста, как выглядела поначалу.

Живая некогда, ткань человеческой памяти о былом, рассыпалась от ветхости и отчасти была подпорчена пересказчиками, отчасти навсегда утеряна. Сбирал, складывал, как осколки много веков назад рассыпавшегося кувшина из археологического раскопа. Что-то получалось, что-то не склеивалось. Каюсь, недостающие куски приходилось изготавливать собственноручно.

И все же наиболее удачные, на мой взгляд, реконструкции я рискнул представить вашему вниманию. Причем – заметьте – я уже заранее извинился перед пытливым читателем за недомолвки и пустоты, которые он, конечно же, заметит, особенно в древних легендах.

Впрочем, возможно это только раззадорит ваше любопытство, и вы тоже попытаетесь внимательнее присмотреться к прошлому этой страны – Пруссии.

Поверьте, оно того стоит.

А ещё я хотел бы предостеречь излишне дотошных историка с лингвистом от обвинений в мой адрес на счёт неверной трактовки событий или неточном воспроизведении древних топо-

нимов. Здесь всего лишь саги, они живут своими законами, а я не ставил задачей их правку, всего лишь воспроизведение.

*Ваш
Вадим Храппа*

Рагайна

(сага о происхождении племени склавинов)

В те давние времена, которых никто не помнит, ибо не было у людей еще Памяти, а бродили они по Земле дикими толпами, и лица их были темны, а сердца – во мраке, с Неба упала Звезда.

И родила Звезда великих людей. Рост их был выше сосен, а волосы белее снега, а глаза их светились, как небо в утренние часы. А имя им было – Ульмиганы.

И взошел старший из них на высокую гору, и окинул взором пески у моря, и многие реки полные рыбы, и многие леса полные дичи, и сказал: «Вот страна достойная быть нам Родиной. Здесь мы построим наши замки. Ей отдадим мы свое Великое Знание. Ей посвятим мы свою небесную силу. И зваться она будет отныне – Ульмигания».

И взяли великаны темнолицых в подданные, и научили их строить замки, и выращивать хлеб, и делать одежду, и торговать. И приумножилось богатство той страны, и возросла слава ее, и счастливо жил народ ее.

Прошла тысяча тысяч лет.

Стали великаны брать дочерей темнолицых в жены, и было у них много потомства, и разошлось оно по всей Земле, но дети их уже не были великанами, а только светлые волосы и синие глаза напоминали об их происхождении.

И возгордились люди, и стали смеяться над богами и поносить их, ибо сочли сами себя великанами равными богам. И объявили богам войну, и призвали себе на помощь зловредных духов и великих драконов. И была война. И небо застлал дым, а поля накрыл пепел.

А когда море от битвы рассеялось, увидели люди, что погибли их драконы, и смрад стоит над всем миром. И поняли люди, что духи – носейлы подчинились богам, ибо холод наступил на земле. Осыпались цветы с деревьев, и замерзла вода в морях.

Горько раскаялись люди и возопили, и припали к стопам богов. Но не вняли им боги и воздали каждому должное. У кого отняли саму жизнь – те умерли в страшных судорогах и болезнях; у кого огонь – они одичали и покрылись шерстью, и бродят в густых лесах, и стали те маркопетами; у кого – силу и стать человеческую – те обмельчали и прячутся под камнями, и зовутся барстуками.

Прошла еще тысяча тысяч лет. Последний из потомков Звезды слег на смертном одре и призвал сыновей, а звали их Тильзе, Вильмант и Ромбин, и послал в разные стороны, в разные земли, посмотреть – нет ли где невест их достойных, из племени белолицего, небесного происхождения?

И вернулись сыновья, и сказали отцу: «Все земли мы обошли, во всех странах были, но нет нам достойных – ни ростом великим, ни происхождением».

Опечалился великан, ибо не осталось у него уже надежды на продолжение рода, и отпустил сыновей. Пошли сыновья и построили неподалеку от замка отца свои замки. Тильзе и Вильмант на левом берегу Немана, а Ромбин – на правом.

Призвал великан дочь свою, и спросил ее: «Согласна ли ты следовать воле моей и оставаться верной ей до конца?» Припала дочь к стопам отца и сказала: «Согласна». Велел великан дочери запереть все ворота в замке, взойти на самую высокую башню и бросить ключ на дорогу. А был тот ключ, хоть не очень велик, но заколдован и отпирался им не только замок великанов, но вся долина Немана.

Многие годы прошли мимо замка, и многие люди. Многие же пытались оторвать ключ от земли, но никто не смог. Решила дочь великана, что нет больше сильных и смелых на Земле, и нечего ей ждать, и надумала схорониться навсегда в заколдованных подземельях под замком.

В последний раз поднялась она на высокую башню полюбоваться течением реки и увидела, что подходит к замку большое войско. И некоторые из войска того берутся за ключ, но поднять его не могут. Вышел тут юноша неприметный и взял ключ, и вставил его в замок. Но не повернулся ключ. И тогда спросила великанша с башни:

«Чей ты, юноша, и как зовут тебя в твоём народе?»

«Склаве – имя мое. А отец мой – король Вайдевут», – ответил юноша.

«Ты поднял заколдованный ключ, – сказала великанша. – Значит силой и смелостью ты достоин. Однако, этого мало, чтобы владеть моим замком. Ты должен узнать имя той, которая в память о небесном происхождении, носит на голове золотые рожки месяца, а на лбу и плечах знаки звезд».

И вспомнил тут юноша древнее пророчество, где говорилось, что вернется его народ в землю предков, и будет на краю той земли стоять замок великий, и на башне замка – последняя из дочерей Звезды. И сказал юноша:

«Рагайна – имя твое».

«Входи! – сказала Рагайна. – Отныне тебе принадлежит все – и я, и замок, и власть над этими землями».

Замок этот стоял чуть восточнее современного Рагнита, а хозяевами его с той поры всегда были князья склавинов. Женщины этого прусского племени, в память о породнении их предка с дочерью Звезды, носили в косах месяцевидные украшения и одежды расшивали звездами.

Щука на флаге

Витинги Скаловии, как и воины других прусских племен, были отчаянно бесстрашны и в науке войны намного превосходили своих соседей. Те и подступиться не могли к границам Пруссии, наоборот, сами постоянно страдали от набегов прусских дружин. Но однажды с востока пришло большое войско рутенов – русских витязей под началом нескольких князей. Богатая долина Немана была разорена до состояния пустыни. Но замок Рагайны, построенный еще белыми великанами, устоял. Рутены осадили его, но как ни пытались, взять не могли. Но и осаду не снимали. Видно слухи о сказочных сокровищах великанов не давали им уйти. В замке начался голод, но никому и в голову не пришло сдать крепость врагу. И вдруг в замковом колодце чудесным образом появилась рыба. Ее было так много, что защитники замка могли насытиться вволю.

Девять месяцев продолжалась осада. В конце девятого в колодце выловили исполинскую – в человеческий рост щуку. Ее насадили на копье и выставили на вершине самой высокой башни – в насмешку над рутенами, уже ощущавшими сильный недостаток продовольствия. И те сняли осаду, и ушли к себе на восток. С той поры изображение щуки стало гербом склавинов замка Рагайны.

Любопытно, что эту же легенду приводит в своей «Хронике Пруссии» и орденский летописец Петр Дуйсбургский. Правда, в качестве защитников замка у него выступают крестоносцы – рыцари Тевтонского ордена, а нападавшими – склавины.

Подземелья замка Рагайны

Замок великанов оставался неприступным вплоть до 1276 года, когда был разрушен при штурме Орденом. Правда, почти сразу неподалеку от старого замка рыцари построили свой, назвав его Рагнит, возле которого после и вырос одноименный город. Однако долгое время не стихали слухи о несметных богатствах подвалов и подземных переходов древнего замка Рагайны, входы в которые были забыты. Не переводились и охотники, изрывшие замковый холм в поисках сокровищ. Но вот странность – многие из них после этих раскопок сильно болели, а некоторые вскоре за этим умирали. Те же, кому удавалось излечиться от непонятной болезни, никогда уже не помышляли о кладоискательстве.

Но человек устроен так, что чужой опыт его ничему не учит. И вновь кто-то отправлялся с лопатой на холм. Особенно распяляло авантюристов то, что однажды подземный ход был все же найден. Он вел к Неману. Его обнаружили несколько бесшабашных офицеров во время шведской войны. Занимались расчисткой хода около десятка солдат. Когда лопата одного из них провалилась в пустоту, земля оползла, открыв небольшую черную дыру, и оттуда вырвался смрадный воздух, сваливший наземь всех принимавших участие в раскопках. Четверо солдат вскоре умерли. Остальные пришли в себя, но заставить их подойти к провалу, уже нельзя было и под угрозой оружия. Люди далеко обходили эту дыру. Но через две недели один из инициаторов поисков все же забрался в отверстие с фонарем. Ход, как уже было сказано, шел к реке, и не представлял бы из себя ничего примечательного, если бы случайно офицер не наткнулся на маленький лаз в боковой стене. Пробравшись туда, он обнаружил огромный зал с колоннами, в котором было много скелетов в богато изукрашенных старинных доспехах. Повсюду валялись мечи и копья. Больше офицер ничего не успел обследовать, потому что у него началось сильное головокружение, и он поспешил выбраться наружу. В ту же ночь вход в подземелья обрушился, а офицер умер.

Находились люди, приобретающие землю с руинами в собственность специально для поисков сокровищ. Таких было двое. Первый, слывший до той поры весельчаком и балагуром, вдруг стал угрюмым и нелюдимым. Поговаривали: он что-то нашел. Но так ли это, никто не знает. Он заболел и умер в горячке. Другой рассказывал, что обнаружил вход в подземелья, но как только проник туда, перед ним появился суровый старик в белых одеждах с длинными белыми волосами. Призрак настоятельно посоветовал прекратить поиски того, что кладоискателю не принадлежит. Перепуганный, владелец развалин и холма выскочил наружу и несколько дней к ним не подходил. Но со временем ему стало казаться, что призрак просто померещился. И, осмелев, он снова отправился вглубь горы. Больше его никто не видел.

Летающие мертвецы

В Рагните издавна обитали две религиозные общины – католики и лютеране. Этому разделению никто не придавал особенного значения, по крайней мере, при жизни. А вот после смерти их относили на разные погосты. И вот тут выяснялось, что покойников это никак не устраивало. Забавный факт – несмотря на то, что между кладбищами было большое расстояние, территория между ними никогда не застраивалась. Мало того, на ней не росли деревья, не было высоких кустарников и оград, которые мешали бы посещать духам умерших своих друзей с другого кладбища.

Всем известно – Пруссия манит чужеземцев, как медовуха. Они приезжают, строят здесь свои дома, живут в них, и никому до этого нет дела. Пусть живут. Но когда один из них намерился построить на южной окраине Рагнита, непосредственно на пути следования духов дом, горожане ему корректно намекнули: мол, напрасно ты, братец, это затеял. Брось, хуже будет. Но, известно, люди, внезапно разбогатевшие, сами с усами. Упрямы и своенравны. Не бросил этот господин строительства. Уже стены вывел, как вдруг случилась ветреная ночь. К утру на месте постройки была только грустная куча кирпича. Интересно, что ограда, которая была всего в три локтя высотой, совсем не пострадала. Духи выше летают.

Ну и что бы вы думали, внял господин голосу разума? Ничуть! Он решил, что нужно строить стены толще. Так и сделал. Заставил каменщиков прибавить толщины на кирпич. Те прибавили. Поставили стены. Положили перекрытия. Начали сооружать крышу. А тут опять поднялся сильный ветер, и разнесли духи дом в груды мусора. Вот только тогда бедняга решил сдвинуть стройку так, чтобы не мешать им.

В том же районе один из местных жителей хотел поставить амбар. Будучи человеком рассудительным, он высчитал план амбара так, чтобы его не могли задеть, спешащие к своим приятелям, души умерших земляков. Но то ли расчеты были не совсем верны, то ли строители что-то напутали, короче говоря, духи снесли у амбара один угол. Тогда хозяин, недолго думая, приказал скосить этот угол так, чтобы духи могли двигаться беспрепятственно. Так и стоит в Рагните этот амбар и сейчас – со скошенным углом.

Конькобежец из Лабиау

Рассказывают, что каждую зиму, как только на Немане вставал крепкий лед, в одном из тильзитских трактиров, что был неподалеку от речного причала, появлялся молодой человек, которого все звали «Конькобежец из Лабиау». Никто не знал его настоящего имени. Знали только, что живет он в Лабиау, и страсть как любит кататься на конках. Утром выходил на лед залива, и мчался по речке Гильге до Немана, а по нему – к Тильзиту. В Тильзите заходил в трактир, и весь вечер отогревался горячим чаем, слушая неторопливые беседы постоянных посетителей. Потом, понюхав табачку, чихнув, он выпивал рюмку сливовой водки и шел спать, предупредив хозяина, чтобы тот разбудил его как можно раньше.

Утром конькобежец был уже на коньках и мчался к Лабиау. Так он ездил всю зиму, пока стоял лед, на протяжении многих лет.

Как-то в Пруссию пришла очень суровая зима. Та самая, в которую вымерзли шелковичные плантации в Кёнигсберге на острове Ломзе, и покрылось льдом Балтийское море. Рыбаки только что вычистили проруби на Немане для снабжения рыбы воздухом, и собирались уходить, как появился Конькобежец. Очевидцы потом рассказывали – он мчался так быстро, что никто ничего не понял. Тело Конькобежца вдруг исчезло в одной из лунок, в то время как голова скользила по поверхности льда до следующей проруби, где тело вновь вынырнуло на поверхность и, подхватив голову, побежало дальше, как ни в чем, ни бывало. Рыбаки, оцепенев, смотрели, как Конькобежец добежал до причала, снял коньки и пошел к трактиру. Тут им всем разом пришло на ум, что пора бы и самим чем-нибудь подкрепиться. Тогда, может, не будет всякая чепуха мерещиться. Они дружно отправились за Конькобежцем трактир, где и обнаружили его, как всегда, за обжигающим чаем.

Каждый греется, как может. Рыбаки опрокидывали по третьей рюмке, когда Конькобежец допил шестую чашку чая и вытащил табакерку. Понюхал, чихнул... Тут его голова и отвалилась.

Многие годы потом, как только лед покроеет Неман, в Тильзите вспоминали Конькобежца из Лабиау и судачили: как же такое могло случиться? А дело-то простое. Он бежал так быстро, что, провалившись под лед, даже не заметил, как срезал им голову. А поскольку скорость у тела и у головы была одна, то, выскочив из следующей проруби, он как раз со своей головой и встретился. А морозом ее тут же к нему и прихватило. В трактире он отогрелся, да еще чаю горячего хватанул, так что шея и оттаяла.

С тех пор в Тильзите говорили, что чай пить – только голову губить. Да и табак нюхать перестали. Курить безопаснее.

Смотритель замка

На окраине Тильзита, чуть выше по течению Немана, есть холм, занимающий господствующее положение на местности. На холме этом в древности стоял огромный замок. Пруссы считали, что еще в доисторические времена его построили ульмиганы. На вершине холма, прямо в центре, еще и сейчас можно разглядеть углубление, бывшее когда-то бездонной дырой. Говорили, будто это вентиляционная шахта замковых подземелий. Но спуститься в нее и проверить, что же там на самом деле, никто не решался.

На замковой горе обычно пасли скот мальчишки-пастушата. Частенько они собирались в кружок у дыры и обсуждали версии ее происхождения, а заодно и количество сокровищ, упрятанных великанами в недра горы. Однажды они так разгорячились, что решили немедленно проверить, что у дыры на дне? Есть там сокровища, или все врут люди? Тут же нашлась веревка, длинная, как башня городской лютеранской кирхи. Привязали к ней самого маленького. Как мальчишка ни отбивался, как ни плакал, упрашивая не опускать в страшную яму, его все-таки засунули туда, и стали потихоньку разматывать веревку. Когда в руках оставался совсем уж небольшой ее конец, натяжение ослабло, а затем веревка и вовсе провисла. Пастушата поболтали ею в дыре, но снизу никто не ответил.

Так, затаив дыхание, они просидели у дыры до позднего вечера. Затем вытащили веревку и молча погнали скот по домам.

Утром им уже не хотелось идти на гору. Стоят и думают, куда бы податься на выпас, да что сказать родителям мальчика, которого они засунули в дыру замковой горы? И вдруг видят, идет он по улице счастливый и беззаботный, а его сумка, карманы и даже кепка в руках набиты золотыми монетами. Он рассказал, что, опустившись на дно колодца, сразу увидел освещенный коридор, в проеме которого стоял высокий старик с белыми волосами. Вида он был сурового, и мальчик сначала испугался, но старик сказал, что ему нечего бояться, отвязал от пояса веревку и, взяв за руку, повел по коридору. Там было много комнат – одна краше другой, богато украшенные красивой резной мебелью и диковинными предметами, назначения которых мальчик не знал. Они долго ходили, и пастушок устал. Тогда старик уложил его на огромную кровать с пышными перинами и мальчик уснул. Утром старик накормил его невиданными фруктами с жареной дичью, набил сумку и карманы деньгами и подвел к широким воротам с калиткой, через которую и выпустил мальчика. Выйдя, тот обнаружил, что стоит у подножия замкового холма, на берегу реки. Он обернулся, но не увидел в склоне холма ничего похожего на ворота.

Пастушок пошел домой, а его приятели бросились на замковую гору. Там долго спорили – кому первым спускаться за деньгами? Решили бросить жребий. Счастливцев с радостью обвязался веревкой и полез в дыру.

Не буду описывать трепет, с каким мальчишки ждали утром своего товарища. Скажу только, что не дождались. Он не пришел ни на другое утро, ни на третье. Больше в ту дыру никто не лазил.

Но старика видели неоднократно. В Тильзите его называли «Замковый Смотритель». Имя это он получил задолго до описанного случая. Еще в те времена, когда на холме стоял замок, старик иногда появлялся, обходя его кругом и осматривая хозяйским взглядом. Ему же приписывают и избавление Тильзита от литовской колдуньи, которая почему-то воспылала лютой ненавистью к замку и его обитателям. Однажды она наколдовала пожар в замке и, когда люди бросились тушить его, ведьма превратила воду Немана в горючую жидкость. Из пожарных шлангов с ревом стали вырываться огненные струи. Зрелище было жутким. Замок сгорел дотла. И никто, даже Смотритель Замка, ничего не мог поделать. Говорят, он спасся в подземельях. Но, зато потом он изловил колдунью и посадил на раскаленные угли на дно Немана, в

самом глубоком месте. Вода течет над колдуньей, а она сидит на негасимых углях до сих пор молит волны Немана о прощении и избавлении от мук.

Молочная ведьма

В былые времена в Тильзите долго помнили ведьму, которая держала в страхе весь город. Называли ее Молочной ведьмой. Жила она на окраине города, где многие держали скот, но коровы у нее не было. Незачем. Она и так всегда была с молоком.

День ее начинался с того, что ведьма брала всю имеющуюся посуду, складывала на тележку и начинала обходить дом за домом, взявая своеобразную молочную дань. Никто не смел ей отказать. Упаси Бог! Люди, завидев ее безобразную рожу, спешно собирали по дому все, что было самого вкусного из молочных продуктов и, с жалкой улыбкой вручали это ведьме. Если при этом ваша улыбка покажется ей недостаточно любезной, или она решит, что вы дали ей не все, что могли дать, она молча поворачивается и идет домой. И тогда ждите. К следующему утру ваше лицо будет в бородавках или на спине появится горб. И считайте, что еще легко отделались. А если вы живете в предместье и у вас есть корова или коза, можете попроситься со скотиной. Дома у ведьмы к потолочной балке были прибиты два куска веревки. Через них она могла доить любую корову. Но, если колдунья была на кого-то зла, то его скотину она доила до тех пор, пока из веревок не потечет кровь.

Со временем старуха так обнаглела, что, встретив Смотрителя Замка потребовала свою долю молока и с него. Тот выслушал ведьму и вежливо предложил пройти в свой хлев, где она и осталась навсегда. Теперь ей молока достаточно. Замковый Смотритель превратил колдунью в корову, которая уже долгие годы бродит по подземельям с распухшим выменем, разыскивая кого-нибудь, кто бы мог ее подоить.

Еще и сейчас, если встать у замковой горы и прислушаться, то можно услышать из глубины подземелий жалобное мычание молочной ведьмы.

Наказание жены горшечника

В Тильзите жил когда-то очень хороший гончар. Изделия его были так искусны, что приезжали за ними даже из Кёнигсберга. Он был гордостью гончарного цеха Тильзита. Но вот беда – как это часто случается с хорошими людьми, попалась ему сварливейшая из жен. Ей всегда казалось, что покупатели только и думают, как обмануть ее при расчетах, муж старается утаить заработки, а слуги мечтают обокрасть. Целыми днями она занималась тем, что раскрывала козни окружающих. С каким же упоением она вцепилась однажды в волосы служанке, когда обнаружила пропажу баночки с синей краской! Бедняга осталась бы лысой, не подоспей вовремя хозяйин. Вслед за этим разыгралась, увы! знакомая всем сцена: одна истерично обвиняет другую во всех грехах, а та слезно клянется, что никакой баночки отродясь не видывала. И – под конец – торжественное обещание хозяйки обличить и страшно покарать воровку.

Может быть, в другом доме на этом все бы и закончилось. Баночка краски не такая уж великая ценность, чтобы из-за нее призывать на голову ближнего все небесные кары. Но жене горшечника казалось, что этого так оставлять нельзя. Она решила что здесь тот самый случай, когда надо всем доказать свою правоту, и отправилась на поиски Смотрителя Замка. Все знали о его могуществе и справедливости и часто обращались за помощью и поддержкой.

В тот вечер она его не встретила. Но упрямая женщина пошла к замковой горе и в следующую ночь. И ей повезло. Разглядев в темноте высокую беловолосую фигуру Смотрителя, жена гончара бросилась ему в ноги, и стала молить о немедленном наказании воровки. Смотритель подумал, взглядываясь в посетительницу, и сказал:

– Я смогу исполнить твою просьбу, но потом никто не исправит то, что я сделаю.

– Ничего не надо исправлять! – причитала жена горшечника. – Пусть воровку, взявшую банку с краской, так скрутит, чтобы она потом всю жизнь вспоминала свой поступок.

– Быть, по-твоему, – сказал Замковый Смотритель и растворился в темноте.

Очень довольная жена горшечника, переступив порог своего дома, начала громко звать мужа и служанку. Она хотела, чтобы наказание прошло при свидетелях.

Так и случилось. Едва служанка и муж прибежали на крики, как что-то будто ударило женщину изнутри, и она вспомнила, что сама спрятала банку с краской на платяном шкафу. Но было поздно. Ее голова все ниже пригибалась и выворачивалась набок, ноги заплелись одна за другую, руки немислимым образом завернулись за спину, и вся она стала похожа на сломанный штопор.

Неринга

Во времена, когда пруссы были свободны и счастливы в своем язычестве, на тонкой косе уходящей от Самбии на север, жило маленькое племя куров. С юга их защищали могучие самбы, а с других сторон окружала вода. Так что воевать им было не с кем. Обрабатывать землю они не умели. Это позже плуг разбудит пески и, дюны начнут пожирать мирные поселки, а тогда коса была зеленой и цветущей. Залив был полон рыбы, а леса – дичи, и непритязательные куры были бы счастливы. Если б не горькая участь их вождя Карвейта, прозванного «Великим» за высокий рост и силу. У него было все, что нужно для спокойной жизни – кроткие подданные, большой и крепкий замок, красивые жены. Вот только детей у Карвейта не было. Куда он только не ходил со своей печалью, к каким только богам не обращался, ничего не помогало.

Как-то на охоте Карвейт убил оленя. Он уже собирался разделывать тушу, как вдруг видит, под липой неподалеку стоит старик с длинными белыми волосами.

– Здравствуй, Великий Карвейт, вождь куров, – сказал старик.

– Здравствуй, – ответил Карвейт. – Кто ты, старик? Я не знаю тебя.

– Это ничего, – говорит старик. – Достаточно того, что я тебя знаю. Не дашь ли ты мне часть своего оленя, вождь? Я иду издалека, и уже много дней ничего, кроме лесных ягод, не ел. Силы мои на исходе, а путь предстоит длинный.

Вытащил Карвейт меч, разрубил оленя пополам и указал на заднюю, лучшую часть туши.

– Бери, старик. Я моложе, зубы мои покрепче, мне и жесткое мясо сгодится.

– Спасибо, Карвейт, – сказал старик. – Не нужно мне твоего мяса. Это я испытывал тебя. Теперь вижу – ты действительно добрый вождь. Я пришел помочь в твою горе. Будет у тебя ребенок. Но для этого твое племя должно отказаться от приношений всем богам, каким вы сегодня молитесь, и три года, каждое новолуние приносить к этой липе по оленю. Здесь обитает прекрасная богиня Лайма. Ей будете отдавать жертвы. А теперь обернись, вождь. Видишь то место на берегу залива? Ровно через три года, день в день, ты придешь сюда на рассвете с любимой женой, и здесь вас будет ждать счастье. Ребенок ваш будет необычным, но ты достоин его, Карвейт.

Вождь хотел спросить у старика что-то, но, обернувшись к липе, не увидел его. Старик исчез.

Мечом Карвейт нарубил дров, сложил ритуальный костер и взгромоздил на него оленя.

Три года куры носили жертвы богине красоты и кротости Лайме. Впрочем, последние месяцы, с недоумением поглядывая на стройные талии всех трех жен Карвейта, они делали это менее охотно. Но Карвейт Великий считал себя человеком слова и решил до конца оставаться верным обещанию. По истечении срока, на рассвете, он явился с любимой женой к месту, указанному старцем. У самого берега волна покачивала плетеную корзину, в которой спал крепкий пухленький младенец.

Девочку назвали Неринга. В благодарность Лайме за чудесный подарок, куры, собравшись всем племенем, устроили под липой пышный пир, длившийся три дня и три ночи. Явилась даже старая колдунья-отшельница, жившая в черных песках на севере косы. Она подошла к колыбели, отогнула корявым пальцем покрывальце, долго вглядывалась в девочку и сказала:

– Еще ждут тебя, Карвейт, неприятности с этим ребенком, но у девочки великое будущее и славное имя ее останется в веках.

Как она сказала, так и случилось.

С первых же недель девочка стала вызывать тревогу родных и беспокойство всего племени.

Она требовала все больше и больше еды, молока шести кормилиц не хватало, чтобы ее насытить. Когда ребенку исполнился месяц, няня уже не могла поднять его. В полтора месяца

девочка дотянулась до куска жареного мяса, схватила его и съела. С этого возраста ей стали давать пищу взрослых. К году она бегала с подростками по лесу и была ростом со своего отца. Вот тогда и явился к Карвейту вайделот.

– Три года, – сказал он, – Ты, Карвейт, заставлял племя молиться третьестепенной богине. На три года ты отлучил свой народ от верховных богов. И этот великий грех – на твоей совести. Если ты не хочешь накликать беду на всех куров, то должен немедленно умертвить это порождение злобного духа и отдать Нерингу в жертву Пиколу.

– Нет, – сказал Карвейт. – Неринга – дочь, подаренная Лаймой, и я верю, что она принесет счастье курам. Я никому не позволю принести ей вред.

– Хорошо, – сказал вайделот. – Тогда я отправлюсь в столицу пруссов – Ромову и донесу обо всем Верховному Жрецу – Криве. Он пришлет сюда свирепых самбийских воинов, и кровь куров ляжет на твою голову, Карвейт.

– Будь, по-твоему, – сказал вождь. – Пусть нас рассудит Крива Кривайто. Я возьму Нерингу, и мы вместе пойдем в столицу.

Путь от замка вождя куров до столицы пруссов был недолгим. Уже через сутки они предстали перед великим Кривой. Тот выслушал обе стороны, потом велел привести девочку. Пристально глядя ей в глаза, он сказал:

– Многие тысячи тысяч лет назад на Землю упала Звезда. Эта звезда родила славное племя великанов с белыми волосами и глазами небесного цвета, давшее начало многим народам. Как знать, может этот ребенок – один из них? Он принесет счастье народу куров и тебе, Карвейт.

Отныне Неринга пользовалась общей любовью и почитанием, а куры решили построить для нее огромный замок с потолками выше всякой сосны, чтобы было ей где жить, когда она вырастет.

Но и Неринга много доброго сделала курам. Подростком она с легкостью вытаскивала телеги, застрявшие в песке, и играючи выволакивала на берег лодки, терпящие бедствие в шторм. Ей ничего не стоило расчистить площадку под строительство хижины, выдернув с корнями несколько деревьев, или спихнуть в море дюну, угрожающую поселку.

Наконец пришло время и Неринге задуматься о потомстве. Но в малорослом племени куров не было ей пары, хотя лучшие парни сватались. Приезжали славные вожди и из других племен. Чтобы никого не обидеть, Неринга придумала испытание.

«Тот женится на мне, – объявила она. – Кто докинет камень до Винде – огромного замка на другом берегу залива».

Многие пробовали, но ни у кого не получилось. А поперек залива до сих лежит дамба из камней, набросанных поклонниками Неринги. Один из них, приехавший из далекой Бартии, сказал:

«Нас обманули, дав невыполнимое задание. Нет в мире человека, способного докинуть камень до того берега».

И Неринга, дабы устыдить его, подняла валун в половину человеческого роста и швырнула так, что, пролетев через весь залив, он ударился о стену замка Винде. И гром от удара был далеко слышен. А из замка вышел человек, под стать Неринге – гигантского роста, и с криком: «Кто посмел швырять камни в мой замок?», – подхватил валун в человеческий рост и так бросил его, что перелетел камень залив, пробил просеку в лесу на косе и упал в море.

И тогда сказала Неринга:

– Вот мой жених!

Вскоре после этого начался страшный ураган, длившийся больше года. Ветер не стихал ни на мгновение, а море намыло на косе, невиданные доселе, дюны. Воды залива устремились к западному берегу и соединились там с водами Немана. Потоп угрожал и замку жениха Неринги.

Стала собирать она дюны в фартук и носить через залив, высыпая горами вокруг замка. Так и спасла его. А насыпь эта существует и поныне.

Весь тот год Неринга трудилась, не покладая рук. То песок от поселка отгребет, то промоину в косе засыплет, то бросится в залив ловить лодки смытые ураганом, то поможет навалить сосен для ремонта разрушенного дома. И только когда ураган стих, стало возможным отпраздновать свадьбу.

Неринга перешла жить к мужу, в Винде, но всю свою жизнь не оставляла куров без призора. То и дело она переходила залив и помогала им в тяжелых работах.

У Неринги родился сын. Но судьба его мало известна, ибо, согласно древнему пророчеству: «... придет ураган с моря, и будет бушевать год и один месяц, и стихнет. Но, подобно урагану, с запада и с юга придут сильные люди, закованные в железо, и будут они бушевать, пока не падут под их мечами боги и народы Пруссии, и не исчезнут с лица земли, как исчез народ ульмиганов...»

Священный топор

Когда Орден пришел в Пруссию, в том месте, где стоит сейчас город Хайлигенбайль, рос гигантский дуб. Говорят, он стоял зеленым весь год – и зимой, и летом, а сквозь листву его густой кроны не проникал ни дождь, ни град. Он мог продлить человеку жизнь, или наоборот отнять ее. Пруссы поклонялись дубу, приносили под ним жертвы, ухаживали за ним и охраняли. Как только об этом прознали крестоносцы, они тут же решили, что это и есть таинственная Ромова – духовная столица пруссов, где находилась резиденция их Верховного Жреца – Кривы Кривайто. Рыцари ошибались, Ромова была в Самбии, однако тот дуб имел для пруссов не меньшее значение. Но чтобы понять это, нам придется вспомнить историю, куда более древнюю, чем крестовый поход Тевтонского Ордена в Пруссию.

Если верить епископу Христиану, бывшему в плену у пруссов в начале тринадцатого века, и будто бы получившего эти сведения из уст прусских жрецов-вайделотов, считается, что каким-то образом, якобы на плотях, в самом начале шестого века от Рождества Христова, после долгих мытарств на севере Европы, в наши земли попала часть, разгромленного когда-то римлянами и растворившегося поэтому в других народах, племени кимбров – мужчины, женщины и дети числом в сорок шесть тысяч человек. Записок Христиана, кроме опубликованного им в 1526 году в своих хрониках летописца Симона Грюнау никто никогда не видел, да и само это количество народа, плывущего по Балтике на плотях, уже может вызвать улыбку. Но, несмотря на преувеличения и некоторую путаницу в последовательности событий, большая часть повествования подтверждается другими источниками. Правда, сегодня считается, что переселенцами были не кимбры (кимвры), а готы с острова Готланд. Но вернемся к епископу.

Итак, согласно запискам Христиана, названных им самим «История Пруссии из тайных знаний прусских жрецов», в 516 году в Ульмиганию прибыли люди, возглавляемые братьями Вайдевутом и Прутенем. Вскоре братья обрели абсолютный авторитет, а с ним и власть в стране, впрочем, вполне заслуженную. Обладая большим опытом и познаниями в области военного искусства, Вайдевут быстро организовал и обучил настолько боеспособные дружины из местных, дотоле робких, воинов, что они смогли не только дать отпор набегам соседей, но и сами стали нападать на них, привозя домой богатую добычу. Более того, Вайдевут построил ряд мощных крепостей, которые потом еще многие века будут охранять страну, и дал народу своеобразную конституцию «Заповеди короля Вайдевута» – свод законов регулировавших жизнь пруссов до прихода Ордена. Прутен, будучи старше брата на шестнадцать лет и, вероятно, мудрее, потратил все свои силы и талант на то, чтобы из примитивных местных верований выстроить гармоничную религиозную систему, управляемую строгой жреческой иерархией. Сам он принял сан Верховного Жреца, а вместе с ним и новое имя Крива Кривайто. Народ же, в знак признания его духовной власти над собой, взял имя – «прутены», позже преобразовавшееся в «пруссы».

Простим Христиану его лингвистическую наивность. То, что он принял за имя одного из братьев (Прутен – Брутен), на самом деле переводится с прусского, попросту, как «брат». Вайдевут же – культовое имя и значит – «всезнающий». То есть пруссы, рассказывая епископу эту историю, говорили о короле Вайдевуте и его брате, чьих настоящих готских имён не знали.

Эти действительно великие братья и заложили основы семисотлетнего благоденствия страны, которой никто не мог безнаказанно грозить мечом. Добровольный их уход из жизни был величественен, прекрасен и в буквальном смысле жертвенен.

Ульмигании давно уже угрожало с юга нашествие многочисленного племени воинственных мазуров, когда-то взимавших с ее жителей дань. Назрело время выяснить, кто же теперь хозяин в этом уголке Европы?

И вот в один зимний день перед битвой пруссов с мазурами при огромном стечении поданных оба брата Прутен и Вайдевут в простых белых одеждах вознесли молитвы богам и взошли на священный жертвенный костер. В руке Вайдевута был меч, голову Прутена украшал дубовый венок.

«О, боги! – сказал Вайдевут! – Мы приносим вам эту жертву ради свободы своего народа. Умножьте же силы его так, чтобы все враги были разбиты и в страхе бежали так далеко, что никогда не смогли бы вернуться!»

Братья продолжали молиться за Ульмиганию и тогда, когда пламя стало пожирать их тела. К ночи костер догорел, но люди не расходились и видели, как подхваченные дуновением ветра, искорки и лепестки золы от него, тут же превращаются в маленьких белых бабочек стайками разлетающихся по священной роще Рикойто.

Жертва была не напрасной, пруссы дрались так, что не просто разгромили в Великой Битве мазуров, они их уничтожили, как народ.

А в том самом месте, где взошли на жертвенный костер Прутен и Вайдевут, несмотря на выжженную почву, к весне распустил листочки желудь. Это и был тот росток, который к приходу крестоносцев вырос в гигантское дерево.

Но об этом станет известно гораздо позже. А тогда братья Ордена ринулись уничтожать дуб. Аксию возглавил епископ Анзельмус.

Силы рыцарей были значительны, да и напали они неожиданно, так что им без особого труда удалось перебить защитников дуба. Но когда кнехты лесорубы попытались срубить дерево, выяснилось, что сделать это невозможно. Топоры отскакивали, звеня, от его коры, как от гранитной скалы. Один даже разлетелся на куски, осколками сильно поранив ногу лесорубу. Люди стали в страхе пятиться, крестясь, и посылая проклятия языческим богам. Еще больше трепета нагнал вдруг налетевший ураган. Молнии с треском рвались в кроне дуба и вонзались в землю вокруг него. Несмотря на приказы и окрики епископа, никто не решался возобновить попытки срубить дуб.

Тогда Анзельмус сам взялся за дело. И дуб сдался, топор раз за разом все глубже входил в тело великана. Однако он был так огромен, что Анзельмусу не хватило бы и недели, чтобы срубить его совсем. Тогда он приказал таскать к дереву хворост, и развел большой костер.

Вот в честь топора, будто бы освященного свыше, и назвали город Хайлигенбайль, в буквальном переводе – Священный Топор. Он и стал этому городу гербом. Правда, на гербе есть еще один, более древний, прусский символ – голова красного волка. Но откуда он взялся, и что значит – загадка.

Если бы подвиги епископа Анзельмуса в Пруссии на этом и закончились, то, возможно, католическая церковь провозгласила бы его одним из своих героев в борьбе с язычеством. Но этого не случилось. И вот по какой причине. Едва Орден закрепился в Пруссии, он тут же объявил все операции с янтарем собственной монополией. Пруссам же, веками относившимся к янтарю, как к дару Атримпа – бога морей, эти условности были непонятны. И они наивно продолжали, как их деды и прадеды собирать на пляжах «горючий камень» и менять его у других народов на более нужные в хозяйстве вещи. И вот тогда бравый и мудрый епископ Анзельмус настоял, чтобы орденское правительство ввело смертную казнь за незаконную добычу и продажу янтаря. «Нельзя, чтобы янтарь доставался людям даром!» – заявил он, обосновывая свое предложение. И на холме у поселка Кирпенен, что возле замка Гермау, появились виселицы, на которых вешали даже несчастных рыбаков, в чьи сети случайно попадал янтарь.

Говорят, Господь не простил Анзельмусу этой жестокости, и до сих пор в шторма, когда на пляжах западного побережья Самбийского полуострова на линии прибоя выстраиваются бесшабашные ловцы янтаря со своими сачками, там объявляется озлобленный дух епископа, и, хватая людей за рукава и полы плащей, приговаривает: «Нельзя, чтобы янтарь – даром! Нельзя, чтобы янтарь – даром!»

Заповеди короля Вайдевута.

1. Верховными богами являются Перкун, Потримп и Пикол. Никто не смеет принести в Ульмиганию из чужих земель другого бога. Наши боги дали нам эту землю и все, что у нас есть, и дадут еще больше.

2. Верховным Жрецом является Крива Кривайто или его преемник. Он помогает общаться с богами и выбирает жрецов-вайделотов. Никто не должен молиться богам без Кривы Кривайто или назначенных им вайделотов.

3. Молиться следует так: О, боги! Перкун, Потримп и Пикол! Дайте нам много красивых женщин, здоровых детей, хорошей пищи и сладких напитков; летом – белые одежды, зимой – теплые плащи и широкие мягкие постели, чтобы, прославляя вас, мы всегда были радостны и подвижны. А у тех, кто не почитает Перкуна, Потримпа и Пикола, Криву Кривайто и вайделотов, отберите все, что они имеют.

4. Все соседние народы, которые уважают наших богов и принесут им жертвы, будут любимы нами. Тот же, кто отнесется к нашим богам с пренебрежением, будет убит нашим оружием и предан позорному огню.

5. Мужчины могут иметь не более трех законных жен. Причем, первая и старшая из них должна быть из нашего народа. Две других могут быть из чужих племен.

6. Если будет мужчина обременен больными: женой, или ребенком, или братом, или сестрой, заболеет сам или кто-то из челяди, то только он может решить, предать себя или иного больного из своей семьи огню.

7. Если мужчина, будучи здоров телом и разумом, захочет принести в жертву богам своего ребенка, жену или кого-то из челяди, то никто и никаким образом не может ему в этом препятствовать, ибо священным огнем освящается и вставший на жертвенный костер, становясь достойным того, чтобы благоденствовать с богами.

8. Если мужчина или женщина совершит прелюбодеяние, то виновный должен быть предан огню вдали от богов. Пепел его будет развеян по дороге, и никому из его потомков никогда не будет позволено стать вайделотами.

9. Если женщина отказывает мужу в исполнении супружеских обязанностей или не имеет детей, то только он вправе решить, предать ее позорному огню или нет.

10. Если мужчина овладеет женой другого мужчины или девственницей до вступления с ней в брак, то оскорбленные родственники имеют право потребовать предать его позорному огню.

11. Первоочередное право получения девственницы в жены имеет только тот мужчина, кто первым попросил на то разрешения ее родственников. Но прежде, чем получить девственницу полностью в свою власть и считаться законным мужем, мужчина должен доказать свое право на это, лишив ее девственности силой.

12. Если у мужчины умрет единственная жена, он должен сразу найти себе другую и моложе. Мужчина не должен оставаться один и без потомства.

13. Если умрет мужчина и оставит единственную жену без ребенка и плода во чреве, то войти к ней сможет каждый неженатый мужчина до тех пор, пока у нее не появится ребенок. Разрешившись от бремени, она должна пойти в услужение к вайделоту и оставаться целомудренной под страхом смерти до конца своих дней.

14. Тот, кто по умыслу или недомыслию убьет своего соплеменника, должен быть отдан на суд друзей убитого. Только они могут решать, убить его или оставить жить.

15. Того, кто украдет в первый раз – высечь розгами, во второй раз – бить палками. Если же сделает он это и в третий раз, следует отдать его на съедение собакам.

16. Никто не может принудить другого к работе. Если же кто сможет подвигнуть кого на это добром, то они должны объединиться для работы вдвоем.

17. Более всего достоин уважения людей и милости богов тот, кто не только соблюдает эти заповеди, но кто, не имея страха перед врагами, лучший во владении оружием, быстр в управлении конем и удачлив в охоте.

Иностранцы из Цинтена

Хайлигенбайль был городом ремесленников. Неудивительно, что много анекдотов в нем сочинялось о подмастерьях.

Было когда-то в Пруссии такое выражение: «иностранец из Цинтена». Так называли человека, который пытается представить себя не тем, кто он есть на самом деле, или тщится выделиться одеждой и манерами. Своим происхождением эта фраза обязана двум подмастерьям из городка Цинтен. Приехав как-то в Хайлигенбайль в воскресенье погулять, они почему-то решили представиться иностранцами. Ходили по улицам, заглядывали в пивные, и везде важно лопотали на каком-то тарабарском наречии, которое сами же и изобрели. Может, они надеялись на большой почет, чем заслуживали, у местных барышень, а может, что другое было на уме. Так или этак, их быстро разоблачили и подняли на смех.

Отважный сапожник

Жил в Хайлигенбайле сапожник по имени Отто Будник. Про него говорили, что он любому привидению хвост прищепит. Вот трое щедрых на выдумки подмастерьев и придумали, как напугать его. Решили, что один прикинется мертвецом, а двое других уговорят сапожника посидеть ночью у гроба. Так и сделали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.